

*Хайруллин Рамиль Ахатович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно -правовых
дисциплин, Казанский институт (филиал) федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», г.Казань*

*Сайфуллин Эмиль Рафаэлевич,
студент,*

*2 курс, факультет Высшего образования
Казанский институт (филиал) федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста
России)», г. Казань*

*Шонин Дмитрий Игоревич,
студент,*

*2 курс, факультет Высшего образования
Казанский институт (филиал) федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста
России)», г. Казань*

ЕВРОПЕЙСКИЕ МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ФОРМАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ К ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в статье исследуется эволюция европейской модели конституционного контроля, изначально сформированной как централизованная система «негативного законодателя» по проекту Г. Кельзена. Анализируются ключевые этапы развития органов

конституционной юстиции в Европе, начиная с австрийской модели 1920 года и послевоенного распространения конституционных судов. Особое внимание уделяется трансформации классических признаков европейской модели — иерархичности правовой системы, исключительной компетенции конституционных судов и принципа *erga omnes* их решений. Рассматриваются новые вызовы, связанные с европейской интеграцией, формированием многоуровневого конституционализма и «размыванием» централизованного характера контроля. Делается вывод о переходе от формальной проверки иерархической конституционности к более сложной модели оценки «качества» законодательства с привлечением неформальных стандартов и принципов.

Ключевые слова: европейская модель конституционного контроля, конституционный суд, кельзеновская модель, централизованный контроль, иерархия правовых норм, европейская интеграция, конституционная гетерархия, качество законодательства

Annotation: *the article examines the evolution of the European model of constitutional review, originally established as a centralized system of the "negative legislator" based on H. Kelsen's project. It analyzes the key stages in the development of constitutional justice bodies in Europe, from the Austrian model of 1920 to the post-war spread of constitutional courts. Special attention is paid to the transformation of the classical features of the European model — the hierarchy of the legal system, the exclusive competence of constitutional courts, and the erga omnes effect of their decisions. The article also considers new challenges related to European integration, the formation of multi-level constitutionalism, and the "blurring" of the centralized nature of constitutional review. It concludes that there has been a shift from formal verification of hierarchical constitutionality to a more complex model of assessing the "quality" of legislation through the use of informal standards and principles.*

Key words: European model of constitutional review, constitutional court, Kelsenian model, centralized review, hierarchy of legal norms, European integration, constitutional heterarchy, quality of legislation

Введение

Конституционный контроль в Европе прошёл долгий путь от специализированного инструмента устранения правовых коллизий до сложного механизма, оценивающего качество законодательства. Отправной точкой этой эволюции стала Австрийская конституция 1920 года, разработанная при участии Ганса Кельзена, который заложил основы континентальной модели конституционного правосудия. Кельзеновская модель, построенная на принципах централизации, иерархичности и исключительной компетенции конституционного суда как «негативного законодателя», доминировала в Европе на протяжении большей части XX века и была воспринята послевоенными демократиями, включая Германию, Италию, Испанию и, позднее, посткоммунистические государства. Однако с течением времени классическая модель претерпела существенные изменения. Под влиянием европейской интеграции, с одной стороны, и внутренних факторов развития правовых систем — с другой, её ключевые признаки оказались размыты. Возникновение многоуровневого конституционализма, практика «конституционно-конформного толкования» обычными судами, а также внедрение принципа пропорциональности привели к трансформации исходной иерархической модели в сторону более сложной — «гетерархичной» системы.

Цель настоящей статьи — проследить эволюцию европейской модели конституционного контроля, выделив ключевые этапы её становления, выявив факторы трансформации классических признаков и проанализировав современный переход от формальной проверки иерархической конституционности к содержательной оценке качества законодательства.

1. Становление континентальной модели конституционного контроля: кельзеновское наследие и первые практики конституционных судов

Континентальная модель конституционного контроля ведёт начало от Австрийской федеральной конституции 1920 года, впервые учредившей в Европе специализированный орган конституционной юстиции. Создателем этой модели выступил Ганс Кельзен, заложивший теоретический фундамент конституционного правосудия в работах 1920-х годов. Ключевая идея Кельзена — понимание конституционного суда как «**негативного законодателя**»: если парламент создаёт правовые нормы, то конституционный суд лишь исключает из системы те из них, которые противоречат конституции. Австрийский Конституционный суд 1920 года был наделён полномочиями, ставшими классическими для европейской модели: абстрактный и конкретный нормоконтроль, рассмотрение индивидуальных жалоб, отмена неконституционных законов.

Классическая европейская модель базируется на следующих принципах:

1. **Централизация контроля** — право признания закона неконституционным принадлежит исключительно конституционному суду.
2. **Специализация суда** — орган, формально находящийся вне системы судов общей юрисдикции.
3. **Приоритет писаной конституции** как иерархически высшей нормы.
4. **Эффект *erga omnes*** — решение суда влечёт утрату силы закона для всех субъектов права.
5. **Преимущественно абстрактный контроль** — проверка законов по запросу уполномоченных органов.

После Второй мировой войны кельзеновская модель стала доминирующей в Европе. Ключевую роль сыграл опыт Германии: Федеральный конституционный суд ФРГ (1949), созданный как прямой ответ на провалы Веймарской республики, стал образцом для многих стран. Он был

наделён широкой юрисдикцией, включая индивидуальные конституционные жалобы. В последующие десятилетия конституционные суды учреждались в Испании (1978), Португалии (1982), Бельгии (1983), а после падения «железного занавеса» — в странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию (1991). Посткоммунистические государства ориентировались преимущественно на немецкую модель, заимствуя у неё широкие полномочия по защите прав человека.

2. Трансформация классических признаков модели: от иерархии к гетерархии

Классическая европейская модель конституционного контроля, как она была задумана Кельзенем, опиралась на три столпа: иерархичность правовой системы, монополию конституционного суда на отмену законов и когерентность правопорядка (исключение неконституционных норм). Однако под влиянием внутренних и внешних факторов эти признаки претерпели существенную эрозию. Суд ЕС рассматривает учредительные договоры как «конституционную хартию», а ЕСПЧ — Европейскую конвенцию как инструмент формирования «европейского публичного порядка». Возникла многоуровневая система конституционализма, которую Н.В. Варламова и А. Кустра-Рогатка характеризуют как «гетерархичную»: национальная конституция перестала быть единственным и безусловным эталоном. Конституционные суды вынуждены учитывать наднациональное право, что приводит к конфликтам юрисдикций и поиску компромиссных решений.

Даже без учёта европейской интеграции классическая модель размывалась изнутри. Обычные суды всё чаще практикуют «конституционно-конформное толкование» — по сути, «малый конституционный контроль», не дожидаясь формального обращения в конституционный суд. Это снижает монополию последнего на решение вопросов о конституционности.

Дополнительным фактором стал принцип пропорциональности, требующий от суда оценки не только формального соответствия закона конституции, но и баланса целей законодателя с ограничениями прав граждан. Такая оценка неизбежно включает элементы политического и экономического анализа, что выводит конституционный суд за рамки строгой иерархической модели.

3. Новый этап эволюции: от формального контроля к содержательной оценке законодательных актов

Классическая кельзеновская модель предполагала проверку закона исключительно на предмет соответствия вышестоящей норме — конституции. Однако этот подход столкнулся с ограничениями. Во-первых, многие конституционные нормы сформулированы как принципы («правовое государство», «соразмерность»), требующие интерпретации. Во-вторых, сложные вопросы (цифровизация, биомедицина) не имеют однозначных конституционных ответов, что вынуждает суд оценивать разумность законодателя. Ключевым инструментом содержательной оценки стал принцип пропорциональности. Он требует ответить на три вопроса: преследует ли закон легитимную цель; пригодны ли использованные средства; соразмерны ли ограничения прав граждан пользе от закона. Применение этого принципа выводит суд за рамки простой констатации несоответствия и заставляет взвешивать конкурирующие ценности, что порождает дискуссии о границах судебного усмотрения.

Помимо пропорциональности, конституционные суды обращаются к стандартам качества законодательства: определённость правового регулирования (закон должен быть ясным и предсказуемым), стабильность правопорядка (недопустимость чрезмерно частых изменений), обоснованность законодательных решений (требование доказательств необходимости мер), отсутствие пробелов в правовом регулировании. Эти

стандарты превращают конституционный контроль в инструмент управления качеством законодательного процесса.

Характерной чертой нового этапа стало распространение механизмов «конституционного диалога»: отсрочка утраты силы закона (предоставление парламенту времени для исправлений), апелляционные решения, конституционно-конформное толкование (сохранение закона с определённым истолкованием). Эти механизмы превращают суд из «негативного законодателя» в партнёра по диалогу, но одновременно порождают риск судебного активизма. Переход к оценке качества законодательства встречает критику. Возникает вопрос о демократической легитимности — вправе ли не избираемые судьи оценивать целесообразность законов? Также отсутствие единых стандартов создаёт риск произвольных решений. Активное использование конституционного диалога может ослабить дисциплинирующую функцию судебного контроля — законодатель привыкает к тому, что суд даст время на исправление ошибок.

Заключение

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать несколько выводов об эволюции европейской модели конституционного контроля.

Во-первых, становление континентальной модели связано с теоретическим наследием Ганса Кельзена и австрийским конституционным экспериментом 1920 года. Ключевые принципы этой модели — централизация контроля, специализация суда, приоритет писаной конституции, эффект *erga omnes*, абстрактный нормоконтроль — были восприняты послевоенными демократиями, включая Германию, Италию, Испанию и посткоммунистические государства.

Во-вторых, классические признаки модели претерпели эрозию под влиянием европейской интеграции и внутренних факторов (конституционно-конформное толкование, принцип пропорциональности). Строгая иерархия,

где национальная конституция выступала единственным эталоном, уступила место более сложной «гетерархичной» конфигурации, предполагающей диалог конституционных судов с наднациональными инстанциями, обычными судами и законодателем.

В-третьих, современный этап характеризуется переходом от формальной проверки иерархической конституционности к содержательной оценке качества законодательства. Конституционные суды применяют принцип пропорциональности и стандарты качества (определённость, стабильность, обоснованность). Механизмы конституционного диалога превращают суд из «негативного законодателя» в партнёра по диалогу.

Использованные источники:

1. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция). Часть 1-2 / Пер. с нем. Д.В. Левчика // Право и политика. — 2006. — № 8. — С. 5–14; № 9. — С. 5–13.

2. Kustra-Rogatka A. The Kelsenian model of constitutional review in times of European integration – reconsidering the basic features // International and Comparative Law Review. — 2019. — Vol. 19. — No. 1. — P. 7–37.

3. Залесны Я., Шиманек Я. Ограничение законодательных полномочий парламента как предварительное условие для установления сбалансированной власти: исторические и конституционные соображения // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. — 2019. — Т. 44. — № 3.

4. European model of constitutional review of legislation / Venice Commission of the Council of Europe. — 2006. — Режим доступа: https://www.venice.coe.int/sacjf/2006_02_venice_strasbourg/report_mazak.htm